

Имя Степана Максимова (1892—1951), чье столетие мы отмечаем, в музыкальном искусстве Чувашии — одно из самых известных и уважаемых. Достаточно сказать, что одна из его обработок народной песни для хора — «Алран кайми акси-сухи» (ему же принадлежит фольклорная запись и публикация самой народной песни) — стала неформальным гимном чувашской интеллигенции, а совсем недавно — и гимном Чувашского национального конгресса. Композиторские и фольклористические труды С. М. Максимова принесли широкую славу чувашской музыке уже в 20—30-х годах. Его заботами о кадрах для национального музыкального искусства выросли поколения музыкантов всех специальностей. Старейшая музыкальная школа республики носит его имя.

Выдвинулся С. М. Максимов в эпоху революционных катклизмов, создания национальной государственности, когда для развития современной чувашской культуры требовались энергичные действия, инициатива, масштабность идей. Такие качества и раскрылись у учителя пения и скрипичной игры Симбирской чувашской учительской школы С. М. Максимова в 1917 году.

Именно в том году он становится композитором. Профессиональным тайнам сочинения музыки первых чувашских композиторов смелому никто не учил. Много позже, уже обучаясь в консерватории (кстати, он первым из них получил диплом о высшем специальном образовании), Максимов делился мыслями в письме чебоксарскому коллеге В. П. Воробьеву: «Несколько тяжеловато в 40 лет угнаться за молодежью... В особенности трудно работать над выработкой хорошей техники по сочинению... плюс трудности по выработке своего чувашского стиля... Таков, видимо, удел наш, самоучек и недоучек». Известный строгостью к своим ученикам, Максимов, как видим, беспощаден и в самооценках. Но природная одаренность и целе-

устремленность позволили ему стать подлинным профессионалом, чьи произведения ныне входят в золотой фонд чувашского искусства.

Его обработки народных песен прозвучали впервые в 1917-м году в Симбирске, в 1918-м — в Казани. Так началась долгая жизнь произведений Максимова. В Чувашии активными пропагандистами их стали Ф. П. Павлов и, позже, В. П. Воробьев.

С первого прикосновения к

для сольного голоса, с сопровождением фортепьяно и без него остается излюбленным для Максимова.

В сочиненных им самим песнях и хорах Максимов стремился откликнуться на самые современные темы, искренне веря в переустройство общества, открывшее перспективу культурного возрождения чувашского народа. Такие произведения («Сăпата», «Шанчăк», «Йёлтёрсёсен маршă», «Комсомолка Урин» и т. п.)

мелодий. Всего Максимовым было записано около двух тысяч напевов и наигрышей, большинство из них издано в Чебоксарах и Москве. Равно-го Максимова по масштабу деятельности фольклориста в 20—30-х годах не было ни у одного из народов Поволжья. Во многом его трудами, книгами и рукописями, его примером обусловлена высокая оценка, данная в 70-х годах специалистом по музыке народов нашего региона вен-

войны это был едва ли не первый сборник национальной музыки в Советской России. В 1925 году Максимов переезжает в Чебоксары.

Все вопросы, за которые он берется, здесь находят свое разрешение. Это открытие интерната для чувашских детей при Чебоксарской музыкальной школе, открытие музыкального училища, укрепление хора музыкальной школы, получающего статус хоровой капеллы (ныне — Го-

Планирует в начале 40-х годов провести в Москве Декаду чувашского искусства, какие тогда проводили союзные республики. Ездит в новые экспедиции, готовит издания, сочиняет музыку. В 1936 году он пишет в Наркомпрос: «Я намерен посетить Тифлис, Баку, Ашхабад и Ташкент, завязать на месте связи с музыкальными деятелями, послушать национальную оперу, оркестры народных инструментов, ознакомились с постановкой подготовки музыкальных кадров, а также сделать в кругу музыкантов доклад о развитии музыкальной культуры в Чувашии, а при возможности устроить концерт чувашской музыки».

Но время, в которое жил и творил Максимов, не только раскрывало призвания и таланты. Оно ставило человека перед нравственным выбором — и многие пали жертвой социальной демагогии, выдававшейся за светлые идеалы человечества. Ставшие достоянием гласности документы бесстрастно свидетельствуют, что Максимов в этих условиях сохранил достоинство и порядочность. В 1937 году с сентября по декабрь нарастал поток клеветы и обвинений в его адрес. 19 октября его исключили из партии, 28 октября — сняли с должности директора, а 7 декабря — уволили и с рядовой преподавательской работы. 18 декабря он был арестован, 30 декабря — осужден за якобы «контрреволюционную» и «националистическую» деятельность. Он никого не предал, наоборот, пока был на свободе, на собраниях пытался защитить честных музыкантов И. В. Люблин, С. И. Габар, организацию заказов произведений на чувашские музыкальные темы московским композиторам, среди которых были и знаменитости своего времени В. Белый, М. Коваль, Ан. Александров и другие.

Вернувшись из консерватории в 1935 году, С. М. Максимов продолжает энергично действовать. Он мечтает о национальной опере; будучи директором музыкального училища, резко увеличивает набор на вокальное отделение.

Третья сфера деятельности Степана Максимова — организаторская — также достигла общенациональных масштабов. Его незаурядные способности и волевые качества проявились здесь уже при издании сборника своих произведений в Симбирске в 1918 году: в условиях гражданской

также пользовались успехом в свое время, поскольку они строились на тех же музыкальных основаниях, что и обработки. Обучаясь в консерватории, Максимов обратился и к новым для чувашского искусства инструментальным жанрам, создал Увертюру и Чувашскую сюиту для оркестра, камерно-инструментальные ансамбли, Сонатину для фортепьяно.

С 1917 года параллельно композиторской разворачивается и научная музыкально-педагогическая деятельность Степана Максимова. Еще Федор Павлов отмечал особую ценность и «фонографическую точность» его записей и публикаций чувашских народных

В ПЛОТИ И КРОВИ РОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня в столице Чувашии отмечается столетие

со дня рождения выдающегося чувашского
композитора Степана Максимова.

общественные дела. Избранный секретарем нового педагогического совета Симбирской чувашской семинарии, в 1919 году он не смог миновать конфликта с И. Я. Яковлевым. Покинув родную школу, Максимов вступает в партию. В ее делах он, как и везде, на видном месте. Есть документы, что он был делегатом районной партконференции, представителем съезда секретарей комчеек и т. п. Он жертвует личными интересами. (Через десять лет он признается: «Все жалею, какого дурака я сваял, не поехав учиться в 20-м году, когда к этому возможность была»).

Но от учителя, интеллигента, видимо, требовали большего — фанатизма. В 1921 году «за пассивность в партработе» Максимова наказывают временным переводом из членов РКП(б) в кандидаты. Затем Симбирский губком назначает его политкомиссаром в Чувашский институт (бывшая учительская школа). Здесь он, музыкант, преподает пение и... обществоведение. Вырывается Максимов из этого круга, перебравшись в Чебоксары. Здесь он нужен как музыкальным деятелям (хотя, сообщает он, в 1929 году «в порядке партдисциплины мне было поручено возглавить Общество изучения местного края»).

В расцвете сил, едва перешагнув сорокапятилетний рубеж, Степан Максимов до конца жизни лишается возможности заниматься творчеством, исполняться, издаваться.

Вернулся он из лагеря в 1947 году. Преподавать ему не разрешалось, работал артистом оркестра. А реабилитация (1955 год) уже не застала Максимова в живых. Но творчество его, несмотря на перипетии личной судьбы, не исчезло из памяти людей. Сохранились (в спецхранах и у музыкантов) книги, продолжают его дело ученики. Музыка Степана Максимова вернулась к жизни, вошла в плоть и кровь современной чувашской культуры.

М. КОНДРАТЬЕВ.